

Сиверцев Евгений Юрьевич

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ "Я" СУБЪЕКТОМ ФОБИИ?

В статье рассматривается философский аспект вопроса о причинах фобий. Показывается, что основные концепции, раскрывающие данные причины, исходят из презумпции существования самостоятельного "Я", которое, собственно, и испытывает фобическое состояние. Однако современная философия видит "Я" совсем иным образом, нежели практикующая психология. Отсутствие согласованного понимания "Я" создаёт проблемы как теоретического, так и практического характера.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/6-1/41.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 6(80): в 2-х ч. Ч. 1. С. 150-153. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 130.11

Философские науки

В статье рассматривается философский аспект вопроса о причинах фобий. Показывается, что основные концепции, раскрывающие данные причины, исходят из презумпции существования самостоятельного «Я», которое, собственно, и испытывает фобическое состояние. Однако современная философия видит «Я» совсем иным образом, нежели практикующая психология. Отсутствие согласованного понимания «Я» создаёт проблемы как теоретического, так и практического характера.

Ключевые слова и фразы: «Я»; фобия; самосознание; поведенческая терапия; психоанализ; «этогения»; социальная драматургия; личность; социум.

Сиверцев Евгений Юрьевич, к. филос. н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
Emden1914@mail.ru

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ «Я» СУБЪЕКТОМ ФОБИИ?

Прежде всего определим понятие «субъект» как мы будем его применять в данной работе. «Под субъектом... понимается активно действующий и познающий, обладающий сознанием и волей индивид...» [15, с. 546]. Иными словами, субъект – это то, что является источником и производителем некоего действия, результаты которого, во-первых, объективно фиксируемы, а во-вторых, фиксируемы именно как результаты данного субъекта.

Для того чтобы выяснить, что является субъектом фобии с точки зрения медицины, обратимся к специальной психиатрической литературе.

Сам термин «фобия» происходит от имени греческого бога Фобоса (Φόβος) – сына бога войны Ареса и богини любви Афродиты. В греческой мифологии Фобос олицетворял собой чувство страха. Со временем в олимпийских богов верить перестали, но слово сохранилось. Ныне оно имеет широкий и узкий смыслы. В широком смысле это вообще боязнь чего-либо, в узком смысле – это медицинско-психологический термин.

Справочник по психиатрии А. В. Снежневского связывает два этих понятия, выводя одно из другого. Страх определяется как «чувство внутренней напряженности, связанное с ожиданием угрожающих событий, действий и т.п.» [13, с. 53]. Фобия является усилением чувства страха – это страх, доходящий до уровня тревожного возбуждения, сопровождающегося общим двигательным беспокойством (ажитацией) [Там же, с. 60]. «Большой медицинский словарь» определяет фобию следующим образом: «навязчивое состояние в виде непреодолимой боязни некоторых предметов, движений, действий, поступков, ситуаций; содержанием фобии может быть любое явление обыденной жизни» [3, с. 821].

В медицинской науке имеются попытки исследовать фобии по четырём направлениям: количественные характеристики фобий, формы их проявления (позволяющие объективно фиксировать данное явление), их виды, а также причины происхождения.

Для количественной оценки фобии создана так называемая «Шкала фобий Маркса-Шихана» (Marks-Sheehan Phobia Scale). Она позволяет «проводить точную и дифференцированную оценку степени тяжести... фобии» [5, с. 14]. «Фобии фиксируются в шкале в соответствии со значением их в психическом статусе пациента в порядке убывания. Тяжесть фобий ранжируется пациентом с помощью прилагаемой визуально-аналоговой шкалы от 0 до 10 баллов: 0 – «фобии нет», 1-3 балла – «слабо беспокоит/ограничивает»; 4-6 баллов – «средне беспокоит/ограничивает»; 7-9 баллов – «сильно беспокоит/ограничивает»; 10 – «крайне беспокоит/ограничивает»» [Там же].

Форм проявления фобийного состояния довольно много, основных обычно выделяют четырнадцать:

- 1) усиленное или учащённое сердцебиение;
- 2) онемение или ощущение покалывания;
- 3) потливость;
- 4) приливы жара или ознобы;
- 5) тремор или дрожь;
- 6) сухость во рту;
- 7) затруднённое дыхание;
- 8) чувство удушья;
- 9) боль или дискомфорт в груди;
- 10) чувство головокружения, неустойчивости или обморочности;
- 11) тошнота или неприятное ощущение в животе;
- 12) страх умереть;
- 13) страх потери контроля, сумасшествия;
- 14) дереализация (чувство, что предметы нереальны) или деперсонализация (чувство нереальности относительно собственного «Я») [17, с. 25].

Обратим внимание на следующее обстоятельство: субъектом фобии, с медицинской точки зрения, является «Я», понимаемое как некое духовное образование. Однако первые одиннадцать форм проявления

фобийного состояния – чисто телесные, физиологические процессы, фиксируемые вполне объективно. Последние три – чисто субъективны и фиксируются лишь со слов больного. Соответственно, они не могут рассматриваться как факты в том смысле, в каком факты понимаются в науке. Указанное обстоятельство не может не навести нас на некоторое предположение, касающееся ответа на вопрос, вынесенный в заголовок данной статьи. Характер предположения станет ясен из дальнейшего изложения.

Обратимся к причинам возникновения фобий. Тут сложилось несколько концепций. Их авторы – люди, как правило, получившие медицинское образование, но с течением времени от медицинской практики отошедшие и занявшиеся исследованиями в смежных областях. Таковы, например, Зигмунд Фрейд и Джозеф Вольпе. Их учениями представлены две основные парадигмы современного понимания причин фобий.

Фрейд был вообще первым автором, выделившим фобии как особый вид страха. Причины их он ищет в прошлом каждого человека (т.е. в детстве), а также в биологической составляющей человеческой личности. Причём никакой чёткой грани между первым и вторым не присутствует: «...общий характер, объединяющий различные фобии, – это регрессия в детство. Именно в детстве, как бессознательно понимают индивиды, они могли найти защиту, покой, умиротворенность, а значит и спасение от каких-либо страхов, проецированных миром, окружением, внешней средой» [8, с. 217]. Ребёнок боится чего-то реального, вполне конкретного, однако спасение от этого страха достигается не путём его волевого преодоления, не путём победы над предметом страха, а получением помощи со стороны взрослых. Таким образом человек приобретает, пользуясь термином Фрейда, «свободный страх», т.е. подсознательную потребность в боязни, которая постоянно выбирает себе предмет. «Если проследить условия возникновения реального страха, то последовательно можно прийти к мнению, что сознание собственной слабости и беспомощности... является конечной причиной невроза, если это сознание переходит из детского периода в более зрелый возраст» [16, с. 294]. Фобия взрослого «возникает из неиспользованного либидо и замещает недостающий объект любви внешним предметом или ситуацией» [Там же]. Т.е. у взрослого человека все потребности, по тем или иным причинам не удовлетворённые, оказываются благодатной почвой для возникновения беспричинного чувства страха.

Можно предположить, что, по мнению Фрейда, фобии имеют двуединый источник: детские страхи и взрослую неудовлетворённость. Причём первое переходит во второе и «в снятом виде» там постоянно присутствует.

Отличную от фрейдовской концепцию происхождения фобий предлагает течение в психологии и медицинской практике, называемое «поведенческая терапия». Теоретической её основой является бихевиоризм, более конкретно – те бихевиористские идеи, которые непосредственно примыкают к учению И. П. Павлова об условных и безусловных рефлексах.

Сам термин «поведенческая терапия» вводится в 1911 году американским психологом Эдвардом Торндайком (1874-1949), однако своё развитие это направление получило в трудах его коллеги, южноафриканского психолога Джозефа Вольпе (1915-1997). Причины появления фобий коренятся в выработке реакций на раздражитель, который, сам по себе являясь нейтральным, устойчиво связывается сознанием с неким негативным фактором или событием: «Нейтральные раздражители, оказывающие влияние на личность, вызывая страх, являются условными для страха» [19, р. 74]. Т.е., если человек несколько раз попал в ситуацию физического дискомфорта (боль, негативные изменения физиологических показателей) или в ситуацию, угрожающую жизни, некоторые факторы, которые, будучи совершенно безопасными, ей сопутствовали, превращаются в знаки, указывающие на близость этой опасной ситуации. И теперь эти знаки, даже не соединённые с действительной опасностью, вызывают чувство страха. Значит, фобия – это неадекватная, но не подвластная воле человека негативная реакция на определённый раздражитель.

Ещё раз повторим: в медицинских и психологических исследованиях фобии практически везде незримо присутствует субъект фобии, которым является не что иное, как человеческое «Я». «Я» ожидает «угрожающие события», «Я» боится «некоторых предметов, движений, действий, поступков, ситуаций...», «Я» слабо беспокоится или беспокоится до степени паники, «Я» воспринимает «нейтральные раздражители» и т.п. Иными словами, существует разделение на «Я»-субъект, подвергающийся внешнему влиянию объективного, и на то самое внешнее, объективное, устрашающе влияющее на «Я».

Как это ни странно, точного определения «Я» мы у специалистов по фобиям не находим. «Я» для них – нечто подразумеваемое, само собой очевидное и всеми заинтересованными лицами понимаемое одинаково. Если оно так, то попытаемся эксплицировать «Я», как оно определяется *не* врачами и *не* психиатрами, предполагая, что врачи и психиатры данное определение понимают и принимают как очевидное и для всех одинаковое.

Самостоятельным предметом философского рассмотрения «Я» становится в эпоху Нового времени. Рене Декарт понимает под «Я» концентрированное выражение собственного ума и выделяет в нём два свойства. Прежде всего, «Я» – это то, что наиболее отчётливо познаётся, а кроме того, в существовании «Я» невозможно усомниться. И оно *единственное*, в существовании чего невозможно усомниться [7, с. 94].

Дальнейшее развитие философских взглядов на «Я» идёт по двум направлениям. Философский эмпиризм склонен объявить «Я» вообще ничего не значащей категорией. Дэвид Юм пишет: «...наша идея какого-либо ума является только идеей, складывающейся из определённых восприятий без представления о чём-либо, что мы называем субстанцией простой или сложной» [1, с. 589]. Через 138 лет ему вторит Эрнст Мах: «Многочисленные идеи и планы вчерашнего дня, с которыми я продолжаю носиться и сегодня... маленькие привычки, бессознательно или помимо нашей воли сохраняющиеся в течение более или менее продолжительного времени, – вот что составляет основу этого Я» [12, с. 49].

На противоположном полюсе стоит философский трансцендентализм. Здесь «Я» значит очень многое. Прежде всего, «Я» – то, что делает возможным восприятие, делает возможным опыт, причём опыт общезначимый, одинаковый для всех субъектов. По Канту, «Я» являет собой «высший принцип всех синтетических суждений» [10, с. 125]. Формулируется этот принцип так: «...всякий предмет подчинён необходимым условиям многообразного [содержания] созерцания в возможном опыте» [Там же]. Названные условия и составляют содержание «Я». Складывается впечатление, что «Я» более функция, нежели сущность. Оно работает – синтезирует, но не существует. Вернее, существует, но только выполняя свои функции. Поэтому и рациональному познанию «Я» никак не поддаётся: функции его и так очевидны, а за ними, скорее всего, ничего нет: «Рациональная психология как *доктрина*, расширяющая наше самопознание, не существует» [2, с. 132].

Если говорить о проблеме «Я» в XIX-XX вв., то здесь нельзя не упомянуть марксистскую традицию, до некоторой степени близкую к ней «этогению» Р. Харре, а также концепцию социальной драматургии Ирвинга Гофмана.

В марксизме отдельного, самостоятельного понятия «Я», можно сказать, не существует – оно заменено понятием «личности». Личность – это то, чем человеческий индивид становится благодаря своему включению в многообразные связи с другими личностями. Каждая отдельная личность создаётся социумом, и в то же время этот социум создаёт: «...сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [11, с. 3]. Дальнейшего развития данный тезис не получает – в марксистской парадигме это и не нужно: личность не то, *что* исследуется, а скорее то, *при помощи чего* осуществляются последующие исследования.

Конечный пункт марксистского исследования личности становится в некоторой степени отправным пунктом в исследовании «Я», предпринятом британским философом и психологом Ромом Харре (р. 1927). В своей работе “Blueprint for a New Science” автор настаивает на необходимости рассматривать человека как систему взаимосвязанных и взаимовлияющих свойств, получаемых в результате непрерывного присутствия человека в совокупности социальных коммуникаций: «каждый человек должен рассматриваться не как одинокий индивид, а как сложная система, группа» [Цит. по: 18, с. 145]. Свойства, составляющие систему, проявляются в деятельности человека. Эта деятельность разворачивается между двумя полюсами. Харре называет их «шаблоны социального взаимодействия». Один полюс – это абсолютная необходимость, диктуемая нормами общества, т.е. постоянно действующий шаблон, которому надо следовать неукоснительно. Второй полюс – ему соответствует временный, размытый шаблон – это почти полная свобода. Систематичность, комплексность человека проявляется двояким образом: с одной стороны, деятельность ориентирована на постоянно действующий шаблон, на фиксацию предъявляемых им в данной ситуации требований, с другой стороны – там, где требования ослаблены, элементы системы, конституирующей человека, выбирают один из многих возможных путей действия.

Соответственно, «Я» в данном контексте не что иное, как пространство постоянно идущего взаимодействия когнитивных структур, это взаимодействие организует и сознание человека, и его речь (вербальную рефлексию себя и мира), и его деятельность.

Возникает вопрос: не теряется ли в этом переплетении структур собственное свободное, не от чего не зависящее действие «Я»?

Размышляя над этой проблемой, американский социолог Ирвинг Гофман (1922-1982) выдвигает т.н. гипотезу о несовпадении изображения и изображаемого, несовпадении истинной и демонстрируемой реальности. В человеке происходит постоянное противоборство подлинного и неподлинного, своего собственного и чужого (прежде всего – социального). Человек пребывает одновременно в двух ипостасях: с одной стороны, он есть исполнитель, втянутый жизнью «в общечеловеческую задачу сценической постановки своего исполнения», с другой стороны, он есть «сценический персонаж-характер..., дух, жизненную силу и другие качества которого исполнение этого индивида целенаправленно вызывает из небытия» [6, с. 105]. Человек как бы надевает маски тех ролей, которые от него требуются конкретной ситуацией. Однако, как через три года после кончины Гофмана заметил К. Воннегут, «мы суть то, кем притворяемся». Вскоре эта мысль превратилась в максимум «Маска имеет свойство прирастать к лицу». Примерно также мыслит и Гофман. Суть его концепции социальной драматургии заключается в коротком тезисе: последовательное исполнение человеком разных ролей становится его второй натурой и интегральной частью личности.

Попытки отделить «первую» натуру от природы «второй» приводят Гофмана к созданию теории фреймов – мы её здесь не рассматриваем, но один из выводов таков: образ, который человек *хочет продемонстрировать* окружающим, является его *подлинным* образом [4, с. 142]. По Гофману, стало быть, получается, что человеческое «Я» не то чтобы не существует, оно существует, но постоянно воплощается в неких состояниях, лишённых как собственной воли, так и собственной рефлексии.

Наступившая на рубеже шестидесятых-семидесятых годов XX века эпоха постмодерна практически удаляет «Я» из научного оборота. Началось всё давно – в 1882 году Фридрих Ницше провозглашает смерть Бога. Бог умер, прежние ценности утратили своё значение. Но человек всё же остался. Остался в виде волевого творца самого себя и окружающего мира. Место волевого творца, творца мира он был лишён в конце семидесятых, когда оказалось, что мир представляет собой не систематизированную иерархию сущностей со строгим разделением на доминирующее и подчинённое, главное и второстепенное, а наоборот, равноправную сеть связей и пересечений, где любое определение (определение, ограничение) является искусственной конструкцией. Жиль Делёз и Феликс Гваттари назвали эту конструкцию «ризомой» [14, с. 6-47]. Они же сделали очередной

шаг к удалению «Я» – провозгласили т.н. «смерть автора»: автор воплощает не собственный замысел (как бы он не был в этом уверен), а лишь эксплицирует социальные, семантические и т.п. процессы, идущие помимо него: «Больше не существует деления на поле реальности (мир), поле репрезентации (книга) и поле субъективности (автор). У книги нет продолжения в другой книге, нет объекта в мире и нет субъекта в лице одного или нескольких авторов» [Там же, с. 29]. А поскольку каждый человек является до некоторой степени автором (своих деяний, мыслей, мнений, слов), то мысль Делёза и Гваттари можно распространить на всех людей, независимо от вида занятий. Что и делает в 1979 году Жан-Франсуа Лиотар. В работе «Постмодернистское состояние. Доклад о знании» он заявляет следующее: «Я (soi) не представляет собой более чего-то существенного, но оно не изолировано, оно включено в ткань (texture) отношений более сложных и более подвижных, чем когда бы то ни было. Молодой или старик, мужчина или женщина, богатый или бедняк всегда находятся в “узловых точках” коммуникативных потоков, будь эти точки сколь угодно малы» [Там же].

Мы видим, что философия эпохи постмодерна продолжает путь к «выравниванию» «Я» и в итоге практически «сливает» «Я» с окружающим ландшафтом, делая его тем, что филологи назвали бы знаком, лишённым значения.

Возвращаясь к вопросу, вынесенному в заголовок статьи: является ли «Я» субъектом фобии? Проанализированные нами учения ставят под сомнение само существование «Я». И как следствие, они делают не вполне убедительным рассмотрение «Я» как источника фобии.

Следует признать, что «Я» субъектом фобии не является. Но сама фобия как объективный, научный факт сомнению не подлежит! И тут мы можем вспомнить некоторое обстоятельство, на которое обратили внимание в самом начале нашего разговора: признаки, по которым фиксируется фобическое состояние, вполне объективны и телесны. В таком случае мы можем с определённой долей уверенности предположить, что «Я» (что бы под этой категорией ни понималось) субъектом фобии не является, само же фобийное состояние – результат пересечения в определённой точке пространства и в определённый временной момент объективных событий, процессов и явлений. Это пересечение само по себе телесно и объективно, и фиксируется оно тоже телесно и объективно.

Список источников

1. **Антология мировой философии**: в 4-х т. / ред. В. В. Соколов и др. М.: Мысль, 1970. Т. 2. 776 с.
2. **Антология мировой философии**: в 4-х т. / ред. В. В. Соколов и др. М.: Мысль, 1971. Т. 3. 760 с.
3. **Большой медицинский словарь**. М.: Рипол Классик, 2007. 960 с.
4. **Вахштайн В. С.** Памяти Ирвинга Гофмана // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2007. № 3 (83). С. 141-151.
5. **Головина А. Г.** Фобические синдромы в структуре психической патологии у подростков: автореф. дисс. ... д. мед. н. М., 2011. 44 с.
6. **Гофман И.** Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000. 304 с.
7. **Декарт Р.** Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1994. Т. 2. 633 с.
8. **Зелинский С. А.** Манипуляции массажи и психоанализ. Манипулирование массовыми психическими процессами посредством психоаналитических методик. СПб.: Издательско-торговый дом «Скифия», 2008. 248 с.
9. **История и философия науки** / под общ. ред. А. С. Мамзина, Е. Ю. Сиверцева. Изд-е 2-е. М.: Юрайт, 2016. 360 с.
10. **Кант И.** Критика чистого разума. Симферополь: Реноме, 1998. 528 с.
11. **Маркс К., Энгельс Ф.** Сочинения: в 50-ти т. М.: Политиздат, 1955. Т. 3. 625 с.
12. **Мах Э.** Анализ ощущений и отношение физического к психическому. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. 304 с.
13. **Справочник по психиатрии** / общ. ред. и сост. А. В. Снежневский. М.: Медицина, 1985. 416 с.
14. **Философия эпохи постмодерна**. Мн.: Красико-принт, 1996. 208 с.
15. **Философский словарь** / общ. ред. и сост. И. Т. Фролов. М.: Республика, 2001. 719 с.
16. **Фрейд З.** Введение в психоанализ. СПб.: Азбука, 2015. 480 с.
17. **Френкель Я.** Психология страха. М.: Профит Стайл, 2014. 272 с.
18. **Шихирев П. Н.** Этогенический подход Р. Харре // Вопросы психологии. 1982. № 3. С. 144-150.
19. **Wolpe J.** The Practice of Behavior Therapy. N. Y., 1990. 421 p.

IS “SELF” A SUBJECT OF PHOBIA?

Sivertsev Evgenii Yur'evich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Saint Petersburg University
Emden1914@mail.ru

The article deals with the philosophical aspect of the issue of causes of phobias. It is shown that the key conceptions, which reveal these causes, are based on the presumption of existence of independent “self” that, in fact, can experience a phobic state. However, modern philosophy sees “self” in a completely different way than practicing psychology. Lack of consistent understanding of “self” makes problems of both theoretical and practical nature.

Key words and phrases: “self”; phobia; self-awareness; behavior therapy; psychoanalysis; “ethogeny”; social dramaturgy; personality; society.